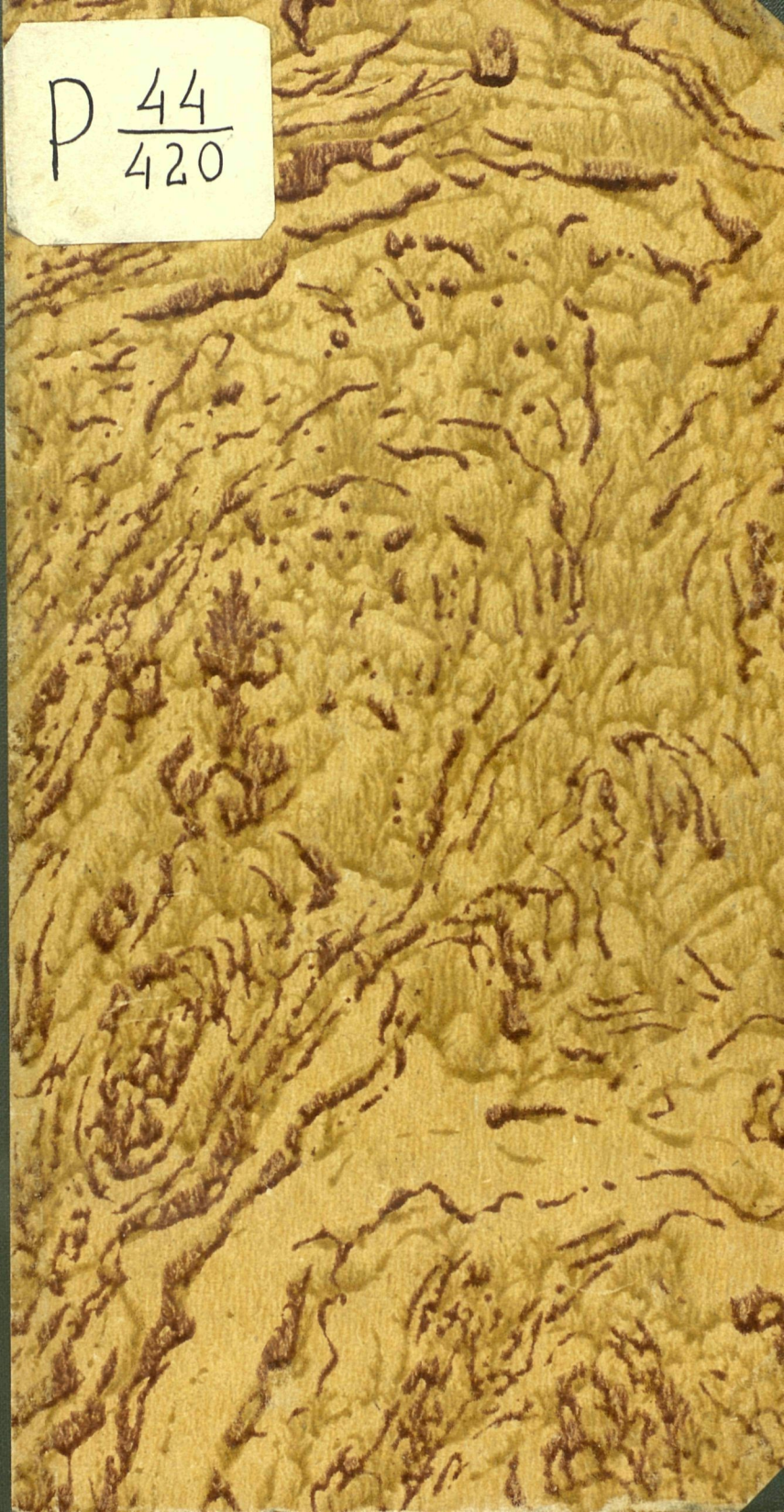

P $\frac{44}{420}$

Р $\frac{44}{420}$

ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДЫ КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ,

ОБРАЗОВАВШИЕСЯ МИМО ВЛІЯНІЯ НА ЖИЗНЬ ИХЪ

СУННИТСКАГО МАГОМЕТАНСТВА.

КАЙЮМЪ-НАСЫРОВА.

Отдѣльно отпечатано изъ Записокъ И. Р. Г. О., по Отдѣленію Этнографіи, т. VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

1880.

Р 44
420

11797-62

ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДЫ КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ,

ОБРАЗОВАВШЕСЯ МИМО ВЛИЯНІЯ НА ЖИЗНЬ ИХЪ СУННИТСКАГО МАГОМЕТАНСТВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статья г. Насырова о повѣрьяхъ и обрядахъ Казанскихъ Татаръ есть, сколько извѣстно мнѣ, первый опытъ изложенія прежнихъ религіозныхъ вѣрованій Татаръ, на сколько сохранились они доселѣ въ тѣхъ отдѣлахъ этого племени, которые приняли исламъ. О язычествѣ Мордвы, Чувашей и другихъ финно-тюркскихъ аборигеновъ Европейской Россіи собрано и отчасти издано уже до сихъ поръ довольно много; но никто еще до г. Насырова не подумалъ приподнять покрывало ислама собственно съ того племени, которое само себя, во всей восточной Россіи, зоветъ Ногайцами, а между нами, Русскими, извѣстно подъ именемъ Татаръ, и подсмотрѣть что у нихъ, подъ корою магометанства, сохраняется еще изъ слѣдовъ древняго шаманизма. Изслѣдованія такого рода необходимы между тѣмъ и обѣщаютъ значительную ученую добычу. Такого наблюдателя изъ Татаръ-магометанъ, какимъ является въ трудѣ своемъ г. Насыровъ, не бывало еще у насъ, да быть можетъ, и во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Это первый изъ нашихъ мусульманъ, котораго европейское образованіе, получен-

ное имъ въ Казанскомъ университетѣ, подняло, въ умственномъ отношеніи, на такую высоту, что онъ могъ отнестись къ исламу объективно. Довольно близко зная Татаръ, я не предполагалъ даже возможности подобнаго явленія.

У Казанскихъ Татаръ мусульманскаго исповѣданія, надъ которыми собственно производилъ наблюденія свои г. Насыровъ, сохраняются еще, какъ видно изъ его статьи, довольно-значительные остатки ихъ религіознаго до-мусульманскаго быта. Гораздо бѣльшій запасъ древняго язычества долженъ, полагаю я, сохраняться у такихъ же Казанскихъ Татаръ, но принявшихъ христіанскую вѣру, и извѣстныхъ подъ именемъ «старокрещенныхъ» и «новокрещенныхъ». Подъ христіанскою оболочкою, какъ видимъ изъ примѣра Мордвы, Чувашей и т. д., первобытныя религіозныя вѣрованія Татаръ, и даже обычаи и обряды, въ которыхъ вѣрованія эти выражаются, должны уцѣлѣть живѣе чѣмъ подъ гнетомъ ислама. Поэтому весьма желательно было бы, чтобы въ кругъ этнографическихъ наблюденій г. Насырова вошли и эти Татары. При томъ взглядѣ на вещи, которымъ отличается онъ, нѣтъ никакого повода опасаться чтобы наукообразныя изслѣдованія его могли принять пропагандистскій характеръ въ мусульманскомъ смыслѣ.

В. Григорьевъ.

8-го января 1868 года.

I.

Повѣрья.

Вообще татарскія баснословныя существа, кажется, удобно можно подвести подъ слѣдующіе два отдѣла: 1) существа, обитающія въ водѣ, и 2) существа, живущія на сушѣ.

Къ первымъ я отношу слѣдующія баснословныя существа: су-бабасы, су-іясси, су-анасы, юха; а ко вторымъ: убыръ, албасты, урякъ, бичура, уй-іясси, абзарь-іясси, чячякъ-анасы, чячякъ-іясси, шюряли, джинъ и діу-пѣри.

Разсмотримъ прежде баснословныя существа, стихія которыхъ вода.

1) Подъ именемъ су-бабасы Татары разумѣютъ живущаго въ водѣ (по собраннымъ мною сказкамъ именно — въ озерѣ) повелителя воды, водянаго дѣда. Но не въ одной сказкѣ не видно, что-бы дѣдъ этотъ выходилъ когда-либо изъ воды и относился къ людямъ непосредственно; на это у него, какъ видно, есть родственное ему существо, въ родѣ слуги, докладчика и исполнителя его повелѣній, это —

2) Су-іясси (то-есть, «водяной хозяинъ»). Въ одной изъ записанныхъ мною татарскихъ сказокъ, су-іясси является Татарины въ образѣ бойкаго мальчишки, посредника между Татариномъ и своимъ повелителемъ, водянымъ дѣдомъ, — въ образѣ посредника глуповатаго, трусливаго, неопытнаго, не знающаго хорошенько Татарины, но болѣе сильнаго, чѣмъ Татарины и менѣе, чѣмъ медвѣдь.

3) Су-анасы, какъ показываютъ самыя слова, есть существо женскаго пола, ибо по-русски означаетъ «водяную мать». Такъ какъ у Татаръ нѣтъ болѣе именъ водянымъ существамъ, исключая юхи, неродственной по своему происхожденію описаннымъ сейчасъ, и такъ какъ, по словамъ

Татарь, сказанныя существа родственны между собою, то я заключаю, что су-анасы есть мать су-іяси и жена су-бабасы. Еще надобно замѣтить, что су-анасы бываетъ иногда видима нечаянно подошедшему къ водѣ Татарину въ образѣ женщины, чешущей себѣ гребнемъ волосы — видима и днемъ и ночью. Больше ничего не могу о ней сказать; замѣчу только, что въ разказахъ слово су-анасы Татары часто и по произволу замѣняютъ словомъ су-іяси. Разумѣется, не могло быть этого въ старину; иначе къ чему два слова для одного понятія?

Впрочемъ, что касается до того, что по понятіямъ Татарь, баснословныя существа исполняютъ брачныя обязанности — это несомнѣнно и докажется и моими изслѣдованіями, кои сообщу ниже, и чувашскимъ баснословіемъ, допускающимъ между богами мужей, женъ, дѣтей и проч. Чувашъ потому мы должны имѣть здѣсь въ виду, что они также, какъ Татары, тюрскаго происхожденія.

4) У всѣхъ извѣстныхъ народовъ змѣи служили и служатъ предметомъ баснословныхъ сказаній; такъ и у Татарь. У нихъ баснословіе о змѣяхъ является со слѣдующими чертами: всѣ змѣи бываютъ чернаго цвѣта, исключая князька ихъ (джиланъ-надшасы), который бѣлаго цвѣта. Черные змѣи злобны въ отношеніи къ Татарину, а бѣлый благоволяетъ ему, и сверхъ того, имѣетъ даръ предвѣдѣнія и предсказыванія и пользуется имъ во благо Татарина. Кромѣ того, кожа змѣи вообще прогоняетъ будто бы лихорадку. Если змѣй (джиланъ) проживетъ сто лѣтъ, то состарѣвшись превращается въ дракона (аждага). Сверхъ того, драконъ живетъ на свѣтѣ ни больше, ни меньше какъ тысячу лѣтъ и совершенно не водится въ татаринѣ. Куда же дѣвается столѣтній, только что превратившійся въ дракона? — Его подхватываетъ облако, несетъ на морской островъ и здѣсь бросаетъ. Татары увѣряютъ, будто бы въ то время, когда драконъ несетъ по воздуху въ облакахъ бываетъ даже видно, какъ онъ бьетъ сво-

имъ хвостомъ и волнуется. На островѣ, по прошествіи тысячи лѣтъ, драконъ превращается въ юху-дѣвицу. Превратившись въ юху, драконъ можетъ принимать на себя различные чувственные образы и въ нихъ являться Татарину, чтобы всячески вредить ему; между прочимъ онъ принимаетъ иногда образъ дѣвицы необыкновенной красоты, которая расчесываетъ себѣ волосы, сидя на берегу озера. Превратившись въ дѣвушку, юха можетъ сдѣлаться женою, можетъ выйти за-мужъ. При этомъ мужъ неремѣнно пламенно полюбитъ свою супругу; но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ все болѣе и болѣе худѣть. Вотъ что такое юха-кызь, юха-дѣвица! Но вотъ вопросъ: можетъ ли Татаринъ какъ-нибудь узнать, что вмѣсто женщины-человѣка онъ женатъ на юхѣ-дѣвицѣ? — Можетъ, и вотъ какимъ образомъ: 1) у юхи всегда выходитъ самый дурной запахъ изо рта; 2) юха никакъ не можетъ обойтись безъ воды; 3) у юхи не бываетъ пупа, и наконецъ 4) *impossibilis est virilis pudendi erectio coiti causa corporis*. Но имѣетъ ли Татаринъ, женившійся на юхѣ, средство избавиться отъ юхи, притомъ не подвергаясь опасности быть съѣдену этимъ чудовищемъ? (Конечная цѣль брака юхи съ Татариномъ и состоитъ въ томъ, со стороны юхи, чтобы съѣсть Татарина, если послѣдній поддастся на обманъ). Не знаю, имѣетъ ли. Впрочемъ, въ одной изъ записанныхъ мною сказокъ усматривается что-то подобное такому средству. Дѣло такого рода: одинъ царевичъ женился на юхѣ-дѣвицѣ (разумѣется, по любви и невѣдѣнію), и когда по всѣмъ сейчасъ сказаннымъ признакамъ убѣдился, что живетъ съ чудовищемъ, то построилъ украшенный извнѣ и внутри, безъ оконъ и дверей, теремъ изъ одного желѣза; пригласилъ туда, послѣ нѣсколькихъ усилій, свою таинственную супругу, потомъ мгновенно защелкнулъ за ней входъ въ теремъ, и обложивъ его со всѣхъ сторонъ дровами, развелъ вокругъ него сильный огонь и такимъ образомъ предать юху сожженію. Царевичъ при этомъ даже слышалъ какъ юха-дѣвица превратившись опять въ змѣю громаднымъ хвостомъ своимъ била

во всѣ стороны терема, и отъ того все зданіе ужасно тряслось. Изъ другой сказки видно, что юха изъ дѣвицы обращается въ змѣю еще тогда, когда тихонько отъ мужа, во время его сна, идетъ ночью на озеро пить воду, такъ какъ мужъ не поставилъ въ избѣ на ночь воды, а озеро находилось близъ дома. Въ сказкѣ о царевичѣ и юхѣ-дѣвицѣ приводится замѣчаніе, что когда юха истлѣла въ теремѣ, пепель ея начали брать люди и дѣлать изъ него лѣкарство, подъ названіемъ терьякъ ¹⁾).

Перейдемъ теперь къ баснословнымъ существамъ, обитающимъ на сушѣ.

1) Убырь, у Малороссовъ упырь, у Чувашъ вобуръ (въ дѣйствительности вампиръ, животное кровожадное, водящееся въ Южной Америкѣ), по понятіямъ Татаръ, есть такого рода баснословное существо, которое, хотя иногда и дѣйствуетъ отдѣльно и самостоятельно, но всегдашнее виталище имѣть въ одномъ какомъ-либо человѣкѣ, который потому и называется убырлѣкшій («вампиръ-человѣкъ»). Убырами въ сказкахъ я встрѣчалъ старухъ (убырь-варчыкъ). Узнать убывра-человѣка Татаринъ можетъ легко потому, что у него подъ мышкою вовнутрь организма бываетъ дырка, чрезъ которую входитъ въ человѣка убырь. Убырь, какъ у Русскихъ «домовой», можетъ давить Татарина и даже являться ему на яву. Когда убырь давить Татарина, то этотъ послѣдній не можетъ шевельнуться; но если только ему удастся какъ-нибудь укусить убывра, тогда то лице, въ которомъ давящій убырь имѣть свое пребыва-

---

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, терьякъ не происходитъ ли отъ греческаго *θήριον*; тѣмъ болѣе, что уменьшительное новогреческое будетъ *θήριαικι*: и созвучно, и означаетъ звѣря? *Авторъ.*

Слово терьякъ собственно означаетъ «противоядіе», которое употреблялось, какъ средство крѣпительное, возбуждающее. Въ составъ его главнымъ образомъ входили: морской лукъ, мирра, корица, шафранъ, опиумъ, медъ, вино, терпентинъ и мясо ехидны; иногда прибавляли туда еще жемчугъ и разные драгоценныя камни. Такъ какъ главную часть этой смѣси составлялъ опиумъ, то названіе терьякъ было потомъ перенесено на него. *Н. В.*

ше, будетъ непременно укушено въ тотъ же членъ, въ который давимый Татаринъ грызнулъ убыра.

Убырь-старухи всегда, по сказкамъ, живутъ въ глуши и въ дали отъ татарскихъ жилищъ, куда можетъ попасть Татаринъ, только сбившійся съ дороги — когда идетъ или ѣдетъ. Живутъ онѣ въ избушкахъ, только не на курьихъ ножкахъ, какъ въ русскихъ сказкахъ. Впрочемъ, бывають случаи, когда Татары, имѣя нужду узнать о потерѣ чего-нибудь важнаго, сами стараются отыскать убырь-старуху; но это бывають счастливыя, люди достойныя, силачи, хитрецы. Какъ же они узнають о мѣстопребываніи убырь-старухи? А вотъ какъ: они пускаются въ путь, куда глаза глядятъ, и послѣ долгаго странствованія находятъ, наконецъ, на берегу озера женщину-красавицу, расчесывающую себѣ волосы гребнемъ: она-то и сказываетъ, гдѣ живетъ убырь. Но не подумайте, что это юха-кызъ; юха Татарину только вредить; а это жена діу-пэри, Татарка, похищенная въ дѣтствѣ этимъ страшнымъ и таинственнымъ существомъ. Но объ этомъ — послѣ. Бывають однако случаи, когда дорогу къ убырь-старухѣ показываетъ Татарину не жена діу-пэри, обыкновенно сочувствующая челоуѣку, а тотъ, кто уже былъ у старухи: въ этомъ случаѣ посѣщаютъ убырь-старуху люди недостойныя, сребролюбивыя и сластолюбивыя. Какъ тѣ, такъ и другіе, отыскивають жилье старухи всегда во время ночи, по огоньку, видимому издалека изъ избушки. При входѣ застають старуху за ѣдою: она ѣстъ огонь. Вошедшій непременно долженъ привѣтствовать старуху обычными словами: «эе-салиаму галейѣюмъ!» (миръ вамъ!), иначе бѣда: съѣстъ его старуха. Однако же силачи, въ родѣ тѣхъ, которые носятъ въ дорогѣ 40-ка-пудовую дубину, обуты въ 10-ти-пудовыя башмаки и перебрасываютъ чрезъ мечеть тройку съ возницей и алпаутомъ («бариномъ»), а собственно — становымъ или капитаномъ-исправникомъ, то-есть, людьми вообще тяжелѣсными), никогда не даютъ салиамъ убырь-старухѣ, и

когда та, разъярившись, объявляет имъ, что она скомкаетъ ихъ, силачи (джигитъ, «молодецъ») однимъ взмахомъ сабли порѣшаютъ жизнь убьрь-старухи. Эти люди всегда и сами собою, безъ совѣтовъ убьрь-старухи, къ которой и заходятъ видно болѣе только изъ любопытства, совершаютъ свои трудныя предпріятія.

Если посѣтитель убьрь-старухи — особа женскаго пола, то убьрь-старуха всегда проситъ ее истопить для себя баню и въ банѣ попарить ее. Но, по хитрости своей, убьрь-старуха не выражаетъ своего желанія прямо, то-есть, вмѣсто того, чтобы сказать: «я хочу, чтобы ты меня до бани донесла на рукахъ», она говоритъ: «дочка, я стара, сама идти не могу (вретъ хитрая: не даромъ Татаре проворнаго всегда называютъ убьромъ!), веди меня подъ руку, и если я не скоро буду шагать, поталкивай шибче меня въ задъ». Вмѣсто того, чтобы сказать: «попарь меня хорошенко», убьрь-старуха говоритъ: «ты поколоти меня хоть комелькомъ вѣника». При этомъ честныя и безкорыстныя, или завозимыя въ лѣсъ на погибель, Татарочки умѣютъ угодить старухѣ; несутъ ее до бани и обратно на рукахъ, парятъ листьями, а не комлемъ. Но корыстныя волю ея исправляютъ дословно: нишаютъ въ задъ и дуютъ на полкѣ вѣникомъ, что есть мочи. На пути изъ бани убьрь-старуха дѣлаетъ испытаніе своей гостью въ честности. Это совершается такъ: «дочка», говоритъ старуха гостьѣ, — «пошевырай гребнемъ въ головѣ — что-то чешется». И когда гостя открываетъ старухѣ голову — о чудо! видитъ, что вся голова ея унизана жемчугомъ, камнями драгоцѣнными, золотомъ, серебромъ. Разумѣется, честная не увлечется, по мнѣнію татарскихъ сказокъ, такимъ головнымъ уборомъ; но корыстная всегда набьетъ себѣ драгоцѣнностями пазуху и карманы. Но то и другое не скрывается отъ убьрь-старухи. «Дочка», говоритъ убьрь гостьѣ, — «потѣши меня: попляши!» Понятно, что у воровки, во время прыганья, все вылетаетъ. Старуха со злобой обличаетъ гостью въ воровствѣ и отнимаетъ свою

собственность. Но этимъ дѣло не кончается; убырь-старуха дѣлаетъ своей гостьѣ новый искусъ. «Посмотри-ка, дочь моя, въ банѣ у меня въ печи сушился солодъ; не высохъ ли онъ?» Гостья отправляется, и вмѣсто солода, находитъ въ печи, въ большомъ корытѣ, кучи драгоцѣнностей. Честная, разумѣется, опять устоитъ противъ искушенія; а жадная, позабывъ о первомъ обличеніи, опять воруетъ. Въ избушкѣ опять пляска — и опять обличеніе воровки. Я забылъ еще сказать, что гостей своихъ, людей, убырь-старуха угощаетъ притомъ и человѣческою пищею. Далѣе слѣдуетъ награда за добродѣтель и наказаніе за порокъ. Это происходитъ такъ: за добродѣтель убырь-старуха даетъ гостьѣ зеленый сундукъ; а за порокъ жадной до богатства даетъ сундукъ черный. И той, и другой запрещаетъ она смотрѣть въ сундукъ прежде прибытія въ свой домъ въ деревнѣ. Та и другая исполняютъ волю старухи. Той и другой, въ родномъ селѣ, выбѣгаютъ съ лаемъ собаки на встрѣчу, но не одно и то же выкликаютъ. Первой выкликаютъ: «уляргà киткянь тютыки, баибъ кайтá, лянъ! лянъ!» (умирать ушедшая сестра, обогатившись возвращается, вау! вау!). Второй кричатъ: «баиргà китеянь тютыки, улыбъ кайтá—лянъ! лянъ!» (обогатиться пошедшая сестра, умирая возвращается — вау! вау!). И въ самомъ дѣлѣ: первая находитъ въ зеленомъ сундуѣ драгоцѣнности, а вторая — змѣю, которая мгновенно выскакиваетъ изъ сундука, бросается на нее, и обвившись вокругъ шеи, удушаетъ.

Если посѣтившій старуху-убырь сбился съ дороги и обратится къ ней съ просьбою помочь горю, та даетъ ему волшебный клубокъ и велитъ покатить по землѣ, и потомъ за нимъ идти. Клубокъ всегда доведетъ заблудившагося куда слѣдуетъ.

Чуваши своему вобуру, но Сбоеву, приписываютъ скрадываніе и поѣданіе мѣсяца; но не видно, чтобы татарскій убырь, доходилъ до такой способности и смѣлости.

2) Албасты (отъ эль — «рука» и басмакъ — «давить»): существо, давящее кого-либо рукою; или отъ алтъ — «перёдъ» и басмакъ — давить: существо давящее перёдъ, то-есть, грудь). Это баснословное существо, подобно русскому домовому и татарскому убыру, наваливается на Татарина и давить его во время сна, и кромѣ того, по повѣрью Татарь, пьетъ при этомъ изъ сердца кровь ¹⁾. Странно однако, почему воображеніе Татарина не отнесло кровожадность исключительно къ убыру, получившему очевидно свое имя отъ звѣря, который въ самомъ дѣлѣ нападаетъ на людей и большихъ звѣрей, прокусываетъ имъ кожу и высасываетъ кровь. Правда, мы сказали выше, что убырь угрожаетъ съѣсть гостя, но не по кровожадности, а по досадѣ, что гость не далъ салымъ. Слѣдовательно, не кровь составляетъ пищу убыра. Кстати замѣчу: въ переносномъ смыслѣ, Татары называютъ убыромъ человѣка работающаго и проворнаго, а именемъ албасты обзываютъ неповоротливаго и лѣнтяя. Почему это?

3) Урякъ (отъ урмакъ, «дуть»). Такъ называется баснословное существо, являющееся Татарину гдѣ-нибудь въ лѣсу или на дорогѣ надъ умершимъ насильственной смертью. Его видитъ прохожій Татаринъ, по повѣрью, въ образѣ человѣка или копы, переваливающейся и идущей впередъ. Также разказываютъ Татары, что урякъ можетъ преобразиться въ облако. Если бы прохожій Татаринъ и не увидалъ сразу на пути мертвое тѣло, то раздирающій кликъ уряка непременно обратилъ бы его вниманіе на это тѣло. Если при этомъ человѣкъ захотѣлъ бы на видимаго изъ дали и кричащаго уряка посмотреть вблизи, то урякъ сдѣлался бы невидимымъ. Изъ страха увидеть непонятное и таинственное существо и слышать его раздирающій душу голосъ Татаринъ всячески остере-

¹⁾ По вѣрованію Киргизовъ, Албасты не только давить человѣка, наваливаясь на него, но можетъ проникнуть и внутрь его. См. «Этнографическіе очерки Киргизскаго народа», И. И. Ибрагимова, въ сборникѣ «Русскій Туркестанъ», М. 1872; вып. 2, стр. 121 — 122. Н. В.

регается наткнуться ночью на пути на мертвое тѣло и не пойдетъ вечеромъ на то мѣсто, гдѣ знаетъ, что лежитъ мертвое тѣло. Когда Татаринъ слишкомъ чего испугается, онъ говоритъ: «урягымъ купты!» (мой урякъ поднялся). Видно, что урякъ имѣется у всякаго Татарина. Такъ какъ въ настоящее время, для выраженія слова душа, Татары употребляютъ чужое, персидское слово: джанъ, а какъ однако слово урякъ, татарское, можетъ происходить отъ татарскаго же глагола урмякъ—дуть, то съ достовѣрностію можно заключить, что въ баснословіи объ урякѣ сохранились еще доселѣ нѣкоторыя до-мусульманскія понятія Татарина о чело-вѣческой душѣ.

4) Бичура у Татаръ то же, что у русскихъ простолюдиновъ—кикимора. Она не причиняетъ никакого существеннаго вреда Татарину, но сильно и на разные лады беспокоитъ его ночью: кричитъ, играетъ, смѣется, шутитъ, спящаго перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто; вещи, положенныя въ одно мѣсто, прячетъ въ другое. У Татаръ о ней имѣется поговорка: «кай китти ѱль нарся, бичура урлады — микянъ?» (куда дѣлась эта вещь; не бичура ли украла?). Если закроютъ трубу, ночью она откроетъ, и вообще шалить. Какъ попадаетъ въ домъ бичура? Татары объ этомъ говорятъ вотъ что: она попадаетъ въ домъ тогда, когда Татаринъ долго не кладетъ въ немъ печи, а потомъ переходитъ въ него на житье. Есть ли средства выгнать изъ дома бичуру? Одни говорятъ, что для этого нужно разобрать весь домъ и построить его на другомъ мѣстѣ, а другіе утверждаютъ, что довольно привести въ домъ медвѣдя, и бичура убѣжитъ.

5) Уй-іясй (домохозяйинъ). Отличается онъ отъ бичуры тѣмъ, что въ домѣ не шалить, а занимается полезнымъ трудомъ: въ одномъ домѣ чеканитъ пенязи, въ другомъ прядетъ, въ третьемъ пишетъ со скриномъ пера по бумагѣ и переплетываетъ книги. Однако Татаринъ не пользуется трудомъ уй-іясй непосредственно; но трудъ его имѣетъ для Татарина предсказа-

тельное значеніе: гдѣ уй-іяси чеканить пенязи, тамъ слышавшіи звуки: «чикъ! чикъ!» обогащаются посредствомъ торговли, если только займется ею и скууетъ себѣ капиталъ; гдѣ уй-іяси придетъ, тамъ слышавшіе нѣчто звучащее въ родѣ посычки, обогащаются въ такомъ случаѣ или будутъ благоденствовать, когда займутся этимъ рукодѣльемъ; гдѣ, наконецъ, въ домѣ кто услышитъ скрипъ пера и перелистыванье книгъ, то тотъ сдѣлается ученымъ. Но въ послѣднемъ случаѣ въ сказкахъ нѣтъ слова о богатствѣ; видно труженикамъ науки вездѣ оно мало извѣстно! Татары говорятъ только, что присутствіе духа-покровителя и предвѣщателя только тогда чувствуется, когда въ домѣ тишина и когда кто-нибудь сидитъ въ одиночку—и естественно!

6) Абзаръ-іяси (хозяинъ хлѣвовъ). Такъ называется воображаемый властелинъ домашняго скота, лошадей и коровъ—по преимуществу, имѣющій своею столицею конюшни и хлѣвы. Та скотина, которую онъ полюбитъ, всегда бываетъ жирна, гладка и красива, а которую возненавидитъ, та бываетъ потна и быстро худѣетъ. Имѣются такіе чудаки изъ Татаръ, которые замѣтивъ худобу или частую опотѣлость на лошади, продаютъ ее и при этомъ выражаются такъ: бу а̀тъ мянг̀а тѳѳѳ туг̀ыль («эта лошадь мнѣ не по цвѣту»), то есть, не правится абзаръ-іясію.

7) Чячякъ-анасы и чячякъ-іяси («оспенная мать» и «оспенный хозяинъ»). По повѣрью Татаръ, когда ребенокъ болитъ оспою, то въ большихъ оспинахъ именно и присутствуютъ сейчасъ сказанныя существа. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одни изъ Татаръ допускаютъ существованіе чячякъ-анасы; а другіе утверждаютъ совокупное бытіе того и другого баснословныхъ существъ.

8) Шюряли, баснословное существо въ родѣ лѣшаго у Русскихъ. Шюряли водятся въ лѣсахъ и не по одному; видны бываютъ Татарину въ человѣческомъ образѣ. Всѣ они имѣютъ очень большія груди, изъ которыхъ одну закидываютъ на правое плечо, а другую—на лѣвое. Если поветрѣ-

частей имъ въ лѣсу Татаринъ, то они приглашаютъ его играть въ щекотанье, и если тотъ согласится, зацекочиваютъ его до смерти. Но Татаринъ можетъ перехитрить шюряли; а какъ? Онъ предложитъ шюряли играть въ щель, и тотъ, по глупости своей согласившись, погибаетъ. Что же это за игра? Татаринъ ударомъ топора вдоль толстаго дерева дѣлаетъ въ деревѣ щель, и чтобъ она была шире, забиваетъ въ нее клинъ, а когда шюряли засунетъ въ щель свой палецъ, Татаринъ мигомъ выхватываетъ оттуда свой клинъ и такимъ образомъ ущемляетъ шюрялія. Шюряли завопятъ отъ боли дикимъ голосомъ, чтобы сбѣжались подобныя ему существа, и освободивъ его отъ бѣды, отомстили бы Татарину, зацекотавъ его на смерть. Но если раньше Татаринъ на вопросъ шюряли: «какъ ему имя?» догадался отвѣтить: «имя мое былтыръ» (прошлый годъ), то ущемивъ шюряли и бросившись бѣжать, спасается, потому что шюряли закричатъ тогда въ попыхахъ: «былтыръ кысты! былтыръ кысты!» (прошлый годъ ущемил!), а сбѣжавшіеся товарищи, не только не побѣгутъ искать хитреца, а просто расхохочутся надъ бѣднягою: «чего искать прошлый годъ; не найдешь!» скажутъ ему тогда въ отвѣтъ. Видно шюряли очень глупы!

Теперь остается разказать еще о двухъ баснословныхъ существахъ — джинѣ и діу-нэри.

Замѣчу прежде всего, что сейчасъ исчисленныя существа невольнѣ порождены безповойнымъ воображеніемъ Татарина: они принадлежатъ Персамъ и чрезъ мусульманство, пришедшее ихъ въ свое міросозерцаніе отъ Арабовъ, дошли и до вѣдѣнія Татаръ. Я, разумѣется, не сталъ бы говорить о нихъ, если бы въ сказаніяхъ о нихъ не видѣнъ былъ оттѣнокъ чисто татарскій; мусульманское здѣсь такъ незначительно, что догадливый читатель самъ усмотритъ, въ чемъ оно выражается. Итакъ, буду продолжать.

9) Джинъ самъ по себѣ не есть существо безполое; но

можетъ сожителствовать Татарину или Татаркѣ въ образѣ мужа или жены. Кромѣ того, джина бываетъ видимъ Татарину въ образѣ собаки, кошки, змѣи, и тотъ Татаринъ, который увидитъ джина, начинаетъ хворать первическою какою-нибудь болѣзнию, ночью будетъ бредить или получить водянку. Однако Татарину увидеть джина случается очень рѣдко, и то нечаянно, ибо сами джины бѣгутъ его. Но много джиновъ шляется на дорогахъ въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ, и притомъ еще невидимо: вотъ если Татаринъ задѣнетъ какъ-нибудь нечаянно такое существо, то такой бѣдняга джинъ непременно долженъ будетъ войти въ Татарина. Татаринъ будетъ страдать, да и джину не легче, и онъ непременно самъ захвораетъ. Другіе представляютъ джина какимъ-то не отвязчивымъ существомъ, которое не только не бѣгаетъ Татарина, но даже неотвязчивость свою простираетъ до того, что považивается по ночамъ навѣщать Татарокъ, и когда онѣ спятъ, ложится подлѣ нихъ и обращается съ ними такъ, какъ можно одному только супругу. Но, по повѣртію Татаръ, Татарка, имѣющая невольное и безсознательное отношеніе къ джину, не можетъ рожать дѣтей. А равно не видно изъ легендъ татарскихъ и того, чтобы джинъ, превратившись въ жену человѣка, могъ породить ему дитя. Но отъ союза между собою джины рожаютъ дѣтей, и это видно изъ тѣхъ же легендъ, ибо въ нихъ есть указаніе на то, что джины подмѣниваютъ своими дѣтьми дѣтей татарскихъ въ колыбели и даже во чревѣ матери. Джины боятся желѣза, (и потому опасаящіяся ихъ Татары, ложась спать, кладутъ подъ постелю топоръ или какое-либо другое желѣзное орудіе); боятся еще джины можжевельника, — а почему? Я думаю потому, что Татары приписываютъ джинамъ, между прочимъ, водянку; а можжевельникъ и Татарами, и Русскими Казанскаго края употребляется какъ врачебное средство противъ этой болѣзни.

10) Діу-пэри. Дивы являютъ Татарину обыкновенно въ

лѣсахъ и въ поляхъ, и притомъ въ различныхъ образахъ: иногда копною сѣна, иногда въ образѣ дѣвицы, при чемъ могутъ выйти за Татарина за-мужь. Живутъ въ особенныхъ своихъ городахъ, имѣютъ царства подъ землей и моремъ, и невидимо — на землѣ. На нашей планетѣ, между прочимъ, они живутъ и владѣютъ тѣми мѣстами и тамъ, гдѣ положенъ кладъ; да и самыя кладовыя вещи, обыкновенно неблагопріобрѣтенныя, отъ продолжительнаго пребыванія въ землѣ порождаютъ дивовъ, подобныхъ во всемъ своимъ предкамъ. О дивахъ нужно замѣтить, что они непримиримо враждебны Татарину: 1) они похищаютъ дѣвочекъ; до возраста держатъ ихъ у себя и тогда на нихъ женятся; 2) дивы ругаются надъ Татаринкомъ: напимѣръ, въ образѣ какого-либо значкомца или добряка дивъ уводитъ Татарина въ свой городъ, въ домъ у себя угощаетъ его; но если Татаринъ скажетъ: «бисмиллю» (во имя Бога!) предъ вкушеніемъ пици, поставленной дивомъ, то явно будетъ Татарину, что это не пицца, а лошадиный пометъ; 3) дивъ непременно постарается завлечь къ себѣ въ гости Татарина свести съ лица земли и обыкновенно такъ: прикажетъ женѣ истопить баню, поведетъ въ нее гостя, и когда тотъ раздѣнется, дивъ предложитъ ему съ видимымъ радушіемъ услуги свои — помытъ, попаритъ, а когда Татаринъ подставитъ спину, то дивъ забьетъ его комлемъ вѣника до смерти и мертваго зароетъ подъ полкомъ своей бани. Однако дивъ боится «бисмилли»; хотя рѣдко, но могутъ его побѣждать такіе джигиты, о которыхъ замѣчено выше въ разгазѣ объ убырѣ. Такіе молодцы не поддаются обману въ банѣ: они сорокапудовою дубиною, подеравшись сзади, двинутъ дива въ потылицу и дадутъ ему карачунъ, то-есть, убьютъ его. Впрочемъ, когда дивъ по любопытству испробуетъ еще въ избѣ своей вѣсь дубины, то отъ натуги, при подѣемѣ ея сдѣлаетъ не деликатность; или же, когда увидитъ, что силачъ (въ сказкѣ, по которой говорю, — десятилѣтній) вертитъ дубиною какъ палочкою, то и безъ подкрадыванья сзади

къ нему джигита дивъ весь въ рукахъ его. Дивъ чистосердечно расскажетъ, сколько положилъ подъ полокъ Татарь, по требованію джигита откупаютъ ихъ, и напоивъ ихъ душевнымъ лѣкарствомъ (джанъ-дарумъ) всѣхъ воскреситъ. Слѣдовательно, дивамъ Татаре приписываютъ силу воскрешать мертвыхъ.

Но здѣсь можно сдѣлать отступленіе и задать себѣ вопросъ: какъ и зачѣмъ силачи попадаютъ къ диву, и откуда у нихъ смѣлость и сила необычная противъ существъ сильнѣйшихъ въ мірѣ и враждебнѣйшихъ?

На это сказки даютъ такой отвѣтъ: силачи отправляются къ диву похитить изъ рукъ его дѣвушку, сестру свою, схваченную дивомъ въ дѣтствѣ. Они странствуютъ куда глаза глядятъ, много и долго; заходятъ къ убирь-старухѣ не столько съ цѣлью посовѣтоваться съ нею о томъ, какъ найти дорогу до дома чудовища и взять волшебный клубокъ, сколько съ цѣлью любопытства, и непременно отрубаютъ ей голову (можетъ быть для того, чтобы попытать напередъ удалъ въ убійствѣ). Потомъ странствуютъ далѣе и наконецъ находятъ при озерѣ сидящую женщину (сестру свою), и по указанію ея, достигаютъ жилища дива, убиваютъ его и освобождаютъ плѣнницу. Сила природная увеличивается у джигита тѣмъ, что онъ напивается воды изъ того озера, гдѣ встрѣтилъ свою сестру, потому что это кючъ биря турганъ су, то-есть, «вода, дающая силу». Еще нужно замѣтить, что дива иногда побѣждаетъ хитрость лѣнчиваго и робкаго Татарина.

Въ чемъ состоитъ татарская хитрость, это я считаю столь занимательнымъ для читателя, что рѣшаюсь разказать ему о ней подробнѣе, и чтобы дѣло было вѣрнѣе, то-есть, вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ выводовъ, разкажу на этотъ предметъ татарскую сказку цѣлкомъ, въ которой — мимоходомъ замѣчу — Татаринъ-селянинъ очерченъ не менѣе точно, чѣмъ во всякихъ нарочитыхъ сочиненіяхъ о Татарахъ.

Татарская сказка о Гюль-назикѣ.

Въ прежнее время жилъ одинъ бѣдный человекъ, именемъ Гюль-назикъ *). Онъ такъ былъ бѣденъ, что былъ бѣднѣе шайтана. У него было много дѣтей. Этотъ Гюль-назикъ былъ очень лѣнивъ. Не стерпѣвъ бѣдности, вышелъ онъ однажды изъ дому и сталъ дѣлать лукъ изъ тальника, а изъ лучинки — стрѣлу. Потомъ пошелъ въ лѣсъ. Тамъ встрѣтился съ однимъ дивомъ. Гюль-назикъ, увидѣвъ его, перепугался, затрясся. Когда думалъ отвязаться отъ дива, дивъ подошелъ къ нему и спросилъ: «Что у тебя», говорить, — «въ рукѣ?» «Лукъ и стрѣла», отвѣчалъ Гюль-назикъ, — «изъ этого лука эту стрѣлой я хочу стрѣлять дивовъ». Дивъ, услышавъ это, такъ же испугался и отъ страха растопырился какъ копыта сѣна, началъ огрызаться и потомъ сказалъ Гюль-назику: «Пойдемъ, другъ, ко мнѣ — угощу тебя». Когда Гюль-назикъ это услышалъ, еще болѣе перепугался: боится идти — и не идти тоже. Все-таки пошелъ съ нимъ. Когда дошли до дома дива, насталъ вечеръ. Дивъ накормилъ, напоилъ, угостилъ Гюль-назика и далъ ему постель лечь. Гюль-назикъ легъ, но не спалъ. А все-таки лежить спящимъ, думая, что будетъ? Дивъ сказалъ женѣ своей: «На нашу голову бѣда пришла; какъ выпутаться изъ нея?» И много они объ этомъ думали. Жена сказала: «Когда онъ уснетъ, мы принесемъ большой камень и положимъ на него. Камень задавитъ и убьетъ его; а завтра его выбросимъ». Гюль-назикъ, услышавъ это, продолжалъ лежать. Потомъ они (дивъ съ женою) вышли изъ дому за камнемъ. Въ это время Гюль-назикъ всталъ съ мѣста, положилъ полѣно, покрылъ его шубой и сдѣлалъ такъ, какъ будто бы тутъ лежалъ человекъ, а самъ спрятался за печь. Они принесли камень и положили, а полѣно съ трескомъ переломи-

---

*) Съ персидскаго: «нижняя роза». —

лось. Спусти нѣсколько времени вынесли камень. Когда вышли изъ дома, Гюль-назикъ опять легъ на свое мѣсто. Когда опять вошли въ домъ, Гюль-назикъ будто бы проснулся, и потянувшись, сказалъ: «Ахъ, Діу-дусъ («другъ Дивъ») твой домъ очень безпокоенъ! Съ потолка на меня что упало: вошли, тараканъ ли?! Хорошо, что мы друзья; а то я вашъ домъ, не знаю, куда дѣлъ бы». Дивъ, услышавъ это, опять испугался и не зналъ, какъ отвязаться отъ Гюль-назика и хочетъ его провожать: «Эй, Гюль-назикъ, я тебя до дома провожу». «Яраръ» (ладно)! Вышли, а потомъ дошли. Но Гюль-назикъ сказалъ: «Діу-дусъ, погоди ты здѣсь, около двери: я скажу женѣ, чтобъ она убрала домъ для тебя, гостя». Дивъ остался за дверью, а Гюль-назикъ пошелъ къ женѣ и сказалъ: «Жена, я привелъ гости тебѣ; скажу: давай ѣсть, ты молчи до трехъ разъ. Когда скажу три раза, ты мнѣ говори: чего принести? у насъ ничего нѣтъ: свои дѣти голодны! Тогда я скажу тебѣ: голову принеси вчерашняго дива и грудь третьегоднешняго». Потомъ ввелъ дива, и посадивъ его сказалъ женѣ: «Дай гостю ѣсть!» Татарка три раза молчала; а потомъ въ третій разъ злобно вскрикнула: «Чего принести?! не тоѣмо гостю, у самихъ нѣтъ ничего!» А Гюль-назикъ говорить: «Какъ не быть: есть голова вчерашняго дива и грудь третьегоднешняго». Когда услышалъ это дивъ, поднялъ уголь дома, выбѣжалъ и пошелъ по дорогѣ. Попадаетъ ему лиса; а дивъ бѣжитъ запыхавшись. Лиса говоритъ диву: «Куда ты ходилъ?» Дивъ говорить: «Стой, не говори! я чуть не погибъ!» «Что же съ тобою?» Дивъ говорить: то и то. Лисица: «Эй, другъ, ты напрасно боишься его; онъ очень смиренъ! Онъ ничего не можетъ сдѣлать! Я вчера у него съѣла десять куръ. Пойдемъ опять, воротимся». И воротились. Идутъ. Тотъ (то-есть, Гюль-назикъ) услышалъ и кричить: «Иди, иди, лисица! Ну, обманщица: вчера у меня съѣла десять куръ; обѣщала привести двухъ дивовъ, а теперь одного ведешь! Но на сегодня будетъ; дру-

того завтра приведешь». Услыжавъ это, дивъ сказалъ лисѣ: «Вотъ ты была надежнымъ моимъ другомъ, а вела меня продать!» Взялъ ее за хвостъ и ударилъ о земь. Лиса издохла, дивъ убѣжалъ, а Гюль-назикъ снялъ шкуру съ лисы, продалъ ее, купилъ пищи и поѣлъ.

II.

Суевѣрныя примѣты.

Татаринъ, вслѣдствіе желанія, присущаго всякому чело-вѣку, знать будущее, останавливается въ раздумьи на виѣшней природѣ и отъ нея ждетъ и требуетъ выясненія своей судьбы. Изъ круга предметовъ, принадлежащихъ къ виѣшней природѣ, для предугадыванія будущаго служатъ ему слѣдующіе: 1) домашнія животныя (у Татаръ: — кошка, собака, мышь, лошадь); 2) домашнія или же живущія при людскомъ жильѣ птицы (курица, ворона, сорока, галка); 3) члены собственнаго тѣла (носъ, губа, рука, ухо) и потомъ, если не самъ желающій знать будущее, то его ребенокъ, и 4) то или другое положеніе одежды.

Посредствомъ примѣтъ Татаринъ стремится узнать преимущественно слѣдующее: 1) какова будетъ погода: дождь будетъ или вьюга, и каковъ будетъ урожай жита и овощей; 2) когда прійдетъ къ нему гость, когда кто его угоститъ, когда онъ получитъ отъ кого гостинецъ, не будетъ ли какой у него радости; 3) когда онъ встрѣтитъ зараръ (вредъ, бѣду, несчастье); 4) не будетъ ли войны; 5) не умретъ ли кто изъ его ближнихъ, или же и онъ самъ.

Немногое хочетъ узнать Татаринъ - селянинъ чрезъ примѣты; но это потому, что и кругозоръ его не обширенъ, и желанія его обыденны и ограниченны.

1. Когда у Татарина чешется правое ухо, онъ заключаетъ изъ этого, что будетъ тепло; а когда лѣвое — холодно. — Если солнце восходить съ «ушами», то-есть, тремя лучами, изъ коихъ одинъ направляется вверхъ, другой — отъ одного бока горизонтально, а третій отъ другаго горизонтально — это также, утверждаетъ Татаринъ, — предвѣщаетъ холодъ. — Когда зажеженная лучина трещитъ звуками брррр, Татаринъ ждѣтъ вьюги; когда чешется кошка, онъ также полагаетъ, что будетъ вьюга; когда валяется собака лѣтомъ, будетъ-де дождь, а зимою — вьюга. — Когда каркаетъ воронъ особеннымъ пронзительнымъ крикомъ, Татаринъ заключаетъ, что погода испортится. — Когда падаетъ снѣгъ въ весеннее время, а скотъ остается дома и кричитъ отъ скуки, Татаре изъ этого выводятъ, что снѣгъ скоро растаетъ, и скоро скоту прійдется идти въ поле. — Если бы въ строящемся домѣ первое основаніе заложила дѣвица, то Татаре были бы увѣрены, что въ этомъ домѣ будетъ зимою тепло. — Когда черемуха цвѣтетъ съ вершины, а Татаринъ въ раннюю пору сѣялъ пшеницу, то онъ надѣется на урожай ея; если же черемуха цвѣтетъ снизу, то Татаринъ надѣется на урожай только въ такомъ случаѣ, если онъ пшеницу сѣялъ въ позднюю пору. — Если въ зимнее время Волга бываетъ покрыта горами льда, то — полагаютъ Татаре — лѣтомъ будетъ урожай.

2. Если сорока застрекочетъ, Татаринъ заключаетъ, что къ нему прійдетъ гость. — Когда кошка «умывается» — то же. — Когда самоваръ «поетъ» — то же. — Если кто стукнется съ кѣмъ головою — то же. — Если съ верху упадетъ бѣлый тараканъ — то же. — Когда стрекочетъ сорока, Татаре замѣчаютъ, на какую сторону она смотритъ: оттуда и ожидаютъ себѣ гостя. — Когда у Татарина чешется губа, онъ увѣренъ, что къ нему прійдетъ гостинецъ — кучманъчъ ¹⁾. — Когда, при надѣваніи одежды, подолъ ея засучится или

---

¹⁾ Кучманъчъ — «переходить», ашъ — «лица».

прищемится въ двери, Татаринъ заключаетъ, что его угостятъ. — Если, по ошибкѣ, Татаринъ надѣнетъ одежду на изнанку, онъ увидитъ въ этомъ знакъ того, что у него будетъ кабая-нибудь радость. — Чешется ладонь — деньги получатъ. — Если на ногтяхъ появится бѣлое пятно, обнова будетъ. — Чохъ одного человѣка, даже лошади, подтверждаетъ сказанное другимъ, то-есть, сказанное другимъ исполнится.

3. Когда Татаринъ броситъ какой-нибудь заостренный и валявшійся въ землѣ колъ въ затопленную печь, ему говорятъ его соплеменники: «Обруби остріе, а то чирей у тебя вскочитъ». — Дѣтямъ говорятъ: «Не плюй въ огонь ¹⁾, у тебя во рту будутъ нарывы» (кутырларъ). — Татаре говорятъ, что если кто возьметъ употребленную другимъ въ отхожемъ мѣстѣ тряпицу или что-нибудь другое подобное — бумажку и проч., и употребитъ это для себя тамъ же, для извѣстной нужды, то на пальцахъ у того появится заусеница. — По увѣренію Татаръ, нельзя рубить дерево, подъ которымъ дѣлается кляу, напримѣръ, чувашская кереметь ²⁾: зараръ булыръ, «бѣда будетъ». — Если къ дому присосѣдится галка, то это, по мнѣнію Татаръ, предвѣщаетъ зараръ. — Когда поетъ курица по пѣтушину, тоже зараръ булыръ.

4. Когда Татаре видятъ комету или кровавый цвѣтъ на небѣ, то говорятъ: «Между царями будетъ безповойство и война». — Изъ паденія звѣздъ они заключаютъ то же самое.

---

¹⁾ Здѣсь, кажется, слѣдъ древняго боготворенія Татарами огня, и во всякомъ случаѣ, видно къ нему уваженіе Татаръ современныхъ.

Авт.

²⁾ Кереметью у Чувашъ называлось злое божество, а затѣмъ и самое мѣсто (обыкновенно священныя рощи), на которомъ этому божеству приносились жертвы; пространство отъ 1200 до 3000 квадратныхъ сажень обносилось изгородью; тамъ устраивался жертвенникъ и другія принадлежности для жертвоприношенія. Все, что находилось въ керемети, считалось священнымъ, такъ что тамъ нельзя было ни лѣсу рубить, ни травы косить, ни звѣрей бить. См. Сбоева, Чуваша въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ, М. 1865, стр. 88—91, 110—111.

Н. В.

5. Если на кровлѣ дома каркаетъ ворона, то въ этомъ домѣ, по повѣрью Татаръ, кто-нибудь умретъ. — Если мальчикъ подгорюнится, Татаре ему говорятъ: «Такъ не дѣлай, а то твои родители умрутъ». — Когда воетъ собака, хозяинъ ея заключаетъ изъ этого, что съ нимъ будетъ какое-нибудь горе: отецъ или мать помретъ, или падетъ скотина. — Самоваръ «воетъ» къ смерти родителей: они умрутъ, по вѣрѣ Татаръ, въ тотъ годъ, когда выль самоваръ. — Въ мѣсяцѣ шаабанѣ въ 15-ю ночь, если она бываетъ не облачна, Татаре смотрять на свою тѣнь: если не видятъ головы, то заключаютъ, что въ томъ году не увидавшему своей головы придется помереть.

III.

Языческіе обряды и заговоры.

Казанскіе Татаре, кромѣ предписываемыхъ мохаммеданствомъ обрядовъ и заговоровъ, имѣютъ еще и другіе обряды и заговоры — языческіе, и я замѣтилъ, что посредствомъ совершенія нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ — именно тѣхъ, о коихъ сообщу ниже — они надѣются избавиться отъ слѣдующихъ болѣзней: холеры, скотскаго падежа, оспы, сглаза, боли въ животѣ, водянки, лихорадки, бѣшенства, случающагося отъ укушенія бѣшеною собакой, и отъ такъ-называемой «сучьей титьки». Кромѣ того, посредствомъ этихъ обрядовъ, они умилостивляютъ или прогоняютъ безъ разговоровъ и побѣждаютъ враждебныхъ имъ баснословныхъ существъ, мертвецовъ и вообще стараются избавиться отъ несчастія. Къ этимъ же обрядамъ прибѣгаютъ по домогательству чего-нибудь выгоднаго и полезнаго въ ихъ хозяйственной жизни. Я успѣлъ записать лишь немного подобныхъ обрядовъ и заговоровъ, отчасти и потому, что обряды таковыя со дня

на день все болѣе и болѣе выводятся, вслѣдствіе вліянія мохаммеданства на жизнь нашихъ Татаръ, и замѣняются изобрѣтаемыми мохаммеданствомъ; но и то, что я записалъ, кажется мнѣ весьма не лишнимъ въ научномъ отношеніи.

1. Когда явится холера, или скотскій надѣжь, кругомъ деревни обходятъ съ плугомъ. Мужчины и женщины здѣсь не участвуютъ, но только незамужнія, дѣвушки, у коихъ въ это время голова бываетъ раскрыта; онѣ одѣваются въ самую лучшую, праздничную одежду, распускаютъ себѣ волосы, подпоясываются новыми платками и запрягаются вмѣсто лошадей въ плугъ. Не знаю однако, сколько для этого нужно дѣвиць. У всѣхъ въ рукахъ бываютъ кнуты. Участвуютъ здѣсь еще старухи. Одна старуха ѣдетъ впереди верхомъ на помелѣ; волосы у нея также растрепаны. Другая старуха держитъ ручки плуга, гайкаетъ, бьетъ дѣвиць и правитъ ими, какъ лошадьми посредствомъ возжей. Третья старуха ѣдетъ сзади также на помелѣ. Въ это время никого не пускаютъ въ деревню и осмѣлившагося вѣхатъ забьютъ до смерти; равнымъ образомъ и изъ деревни не выпускаютъ никого. Надѣются, что холера убѣжитъ, и падежь скота прекратится отъ такого противнаго и страшнаго зрѣлища.

Въ началѣ лѣта, когда въ первый разъ нужно выгнать въ поле скоть, то для предохраненія его отъ падежа, въ день выгона дѣлаютъ Татары въ землѣ ворота и прогоняютъ чрезъ нихъ весь скоть; туда же и люди проходятъ. Это называется джирьутѣ кичрѣю («прохождение сквозь землю»). Говорятъ: къ прошедшему чрезъ землю скоту не прикоснется зараза. Въ этотъ день не оставляютъ стараго огня и старой воды. Для точнаго исполненія обряда посылаютъ нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы по всѣмъ домамъ былъ потушенъ старый огонь и вылита была старая вода. Потомъ весь міръ собирается на одно мѣсто, и потерши дубъ о дубъ, добываютъ такимъ образомъ огонь. Всякій беретъ отъ этого огня. Это называется джаннгаутъ чигару (изведеніе «но-

ваго огня»). Потомъ, воду берутъ изъ водныхъ вмѣстилищъ отдѣльно, смотря по нуждѣ.

Когда случается скотскій падежь, то запираютъ новымъ замкомъ губы первой павшей скотины и зарываютъ ее въ полевыхъ воротахъ, вѣря, что моръ непремѣнно прекратится.

2. Чтобъ оспа на ребенкѣ была легче, дѣлаютъ слѣдующее: даютъ бѣлую утку или бѣлаго гуся въ подааніе бѣдняку, а потомъ, когда дитя начинаетъ выздоравливать отъ оспы, варятъ кашу, которая и называется чячякъ-буткасы («оспенная каша»); иначе, думаютъ, оспа будетъ тяжела. Этотъ обрядъ, по видимому, дѣлается для умилостивленія чячякъ-анасы («оспенной матери») и чячякъ-іяси («оспеннаго хозяина»), кои засѣдаютъ будто бы въ большихъ оспинахъ.

3. Дѣтямъ, для предохраненія ихъ отъ сглаза, Татары дѣлаютъ на лицахъ черною или голубою краскою марушки, — въ томъ разсужденіи, что, дескать, глазъ взглянетъ прежде не на лицо, а на марушку, и не подѣйствуетъ на здоровье ребенка. Кромѣ того, ребенку привязываютъ каразіево сѣмя (сѣмя черновки) въ мѣшечкѣ, и опять для того, чтобы кто не сглазилъ его. — Споласкиваютъ дверную ручку или скобу водою, и обмочивъ въ воду утиральникъ, трутъ имъ ребенку лице. — Наконецъ, чтобы кто не сглазилъ ребенка, привязываютъ ему частицу можжевельнаго дерева. — А если Татаринъ чего-нибудь сильно испугается и захвораетъ, то куркулыкъ куяларъ (буквально: «кладутъ испугъ»), то-есть, выливаютъ растопленный свинецъ въ воду, и кургашінъ (свинецъ)¹⁾ въ водѣ принимаетъ разныя формы, иногда, по увѣренію Татаръ, даже образъ человѣка. Потомъ вылившуюся фигуру подвязываютъ испуганному и вѣрятъ, что

¹⁾ Курмакъ — бояться, куркушманъ — вмѣстѣ бояться, курку — боязнь, кулякъ — испугъ.

болѣзнь пройдетъ. Изъ послѣднихъ двухъ фактовъ нельзя не видѣть, что хворь производитъ не «сглазъ», а джинъ (злой духъ), который боится можжевельника, и какъ увидимъ ниже, топера, и по видимому, еще свинца: стало быть, и всѣ дѣйствія обрядныя употребляются здѣсь Татарами къ тому, чтобъ обезсилить зловредное вліяніе на ихъ жизнь баснословныхъ джиновъ относительно сглаза.

4. Когда Татаринъ пьетъ воду изъ ручья, озера или рѣки и почувствуетъ внутри боль (что очень возможно въ лѣтніе жары, когда рабочій людъ радъ холодной водѣ, можетъ быть — даже по своему содержанію и безъ того очень вредной), то говоритъ: «вода видно меня держала», и потомъ въ воду, гдѣ пилъ, пуститъ яблоко или желтокъ яйца, будучи увѣренъ, что боль пройдетъ; или же онъ беретъ въ горсть траву, бросаетъ ее въ воду и говоритъ: «Да не удержишь меня вода». Я здѣсь вижу остатки, съ одной стороны, древняго боготворенія Татарами водной стихіи, а съ другой — умиловленіе ими водныхъ баснословныхъ существъ.

5. Если Татаринъ пухнетъ, его поятъ можжевельновыми ягодами — это въ самомъ дѣлѣ полезное лѣкарство противъ водянки — и джинъ, виновникъ опухоли, убѣжитъ: видно, по мнѣнію Татаръ, ему противенъ можжевельникъ!

6. Черезъ страдающаго лихорадкою Татары проводятъ медвѣдя, вѣря, что лихорадка, испугавшись звѣря, убѣжитъ. Надѣваютъ еще на лихорадочнаго медвѣжью или волчью шкуру, владутъ въ пазуху, во время трясенія, кожу съ змѣи, и все это для прогнанія лихорадки.

7. Если Татарина укуситъ бѣшеная собака, то изъ 40 домовъ онъ собираетъ, изъ каждаго дома по одному икмякъ-бурунъ («носъ хлѣба», то-есть, по-русски припеку хлѣбную) и принимаетъ это подаеніе непременно въ боковое окно; ѣсть, и по словамъ Татаръ, якобы выздоравливаетъ отъ такого лѣкарства.

8. Если у Татарина под мышкою появится собачья титька, то ее «заговаривают», употребивъ хлѣбную припеку, которою во время заговариванія прикасаются къ бо-лѣзненному наросту, и потомъ припеку отдаютъ четырех-глазой собацѣ, чтобъ она ее съѣла. Четырехглазую со-бакою Татаре называютъ такую собаку, у которой надъ каж-дымъ глазомъ на шерсти по пятну особаго цвѣта: два глаза и два пятна — по татарски выходитъ: четыре глаза.

Для заговоровъ, какъ противъ собачьей титьки, такъ и противъ кыярака (это особая боль въ пахахъ) и баки (жабы), служить одна и та же формула: разница въ дѣйствиіи при заговорѣ состоитъ только въ томъ, что заговаривая сучью титьку берутъ въ руку хлѣбную припеку; заговаривая кыяракъ (огурецъ, по-татарски — кыяръ), берутъ огуречное сѣмечко, а загова-ривая баку (лягушку, жабу), берутъ въ руку черепашую кос-точку (черепаха по-татарски губурлю-бакá), и касаясь боль-наго мѣста этимъ орудіемъ, произносятъ:

- 1) Бирь, ики, учь, дурть, бишь, алты, джиди, сигызъ тугызъ:

тугызданъ кайтсинъ,
тузангà туфракка китсинъ!

- 2) Бирь, ики, учь, дурть, бишь, алты, джиди:

джидиданъ кайтсинъ,
джильгя кузгà китсинъ!

- 3) Бирь, ики, учь, дурть, бишь:

биштанъ кайтсинъ,
бишь юль чатлыгына китсинъ!

- 4) Бирь, ики, учь:

учтанъ кайтсинъ,
учь юль чатлыгына китсинъ!

- 5) Бирь:

бирьданъ кайтсинъ,
ими тумъ шуль имишь

шунѣ кутубъ, турганъ имшиь
минемъ кулімъ тугыль
айшà-батманъ кулі!

То-есть:

Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять:
отъ девяти да возвратится ¹⁾,
въ пыль и прахъ да отойдетъ!

Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь:
отъ семи да возвратится,
въ вѣтръ и вихрь да отойдетъ!

Разъ, два, три, четыре, пять:
отъ пяти да возвратится,
на распутіе пяти путей да отойдетъ!

Разъ, два, три:
отъ трехъ да возвратится,
на распутіе трехъ путей да отойдетъ!

Разъ:
Отъ раза да возвратится,
Заговоръ наговоръ таковъ былъ,
Что этого только ждала (то-есть, болѣзнь);
Но не моею рукою,
Но рукою Айшà-Батманъ!

Сказавъ числительное, припекою, сѣменемъ или косточкою касаются разъ больнаго мѣста, а проговоривъ колѣно заговору, плюютъ разъ на сторону. Айша-Батманъ есть собственное имя и прозваніе женщины, какъ я полагаю, славившейся искусствомъ производить заговоры.

9. Предъ христіанскою Пасхою, въ деревняхъ, въ великій четвергъ, Татары пекутъ оладьи, празднуя этотъ день въ честь умершихъ, которые, по ихъ мнѣнію, будто бы въ этотъ день встаютъ и ходятъ вездѣ невидимо. Въ этотъ день они не только не запрягаютъ лошадей, но даже и не надѣваютъ

---

¹⁾ То-есть, откуда пришла она болѣзнь.

на нее хомута, боясь какъ бы мертвецы не огадили его. — Еще у Татаръ есть не менѣ замѣчательное вѣрованіе, именно то, что деньги, полагаемыя предъ русскою иконою, на путяхъ въ столбахъ, не годится брать; иначе икона силою сойдетъ на руки вора, или прилинетъ къ его устамъ. Самую икону они называютъ словомъ тѣрри, происходящимъ отъ монгольскаго слова Тенгри, богъ, — зная, что христіане, на иконахъ своихъ изображаютъ чувственно являемый людямъ достойнымъ образъ сверхчувственнаго Божія естества.

10. Беременные Татарки, по татарскому повѣрью, видятъ въ воздухѣ убывра, когда онъ летитъ, — въ образѣ огня летящаго; чтобъ убывръ не причинилъ вреда, считаютъ нужнымъ поразить его рябиновыми вилами, и, якобы, онъ отъ этого разсыплется въ прахъ. — Когда душить Татарина албасты, то чтобы избавиться отъ непріятности давленія, онъ считаетъ достаточнымъ пошевелить мизинцемъ — и душитель удереть. — Чтобы выжить джина, засѣвшаго въ Татарина или Татарку, Татаре жгутъ горючую сѣру и дымомъ дмываютъ страждущему въ носъ, а кромѣ того, обсыпавъ больнаго порохомъ, зажигаютъ порохъ; еще кладутъ подъ постель его топоръ или что-либо желѣзное: испугавшись всего этого, бѣжитъ джинъ отъ Татарина или Татарки безъ оглядки.

11. Въ деревняхъ на масляницѣ, дѣвицы-Татарки, сѣвши на прядильныя орудія, катаются, жемая, чтобы ленъ выросъ тонокъ, дологъ, бѣль и волокнистъ. — Черепа лошадиныя на загороду огорода или пашни Татаре вѣшаютъ для того, чтобъ уродились овощи и хлѣба. — Здѣсь скажемъ о кладяхъ. Деньги, закопанныя въ землю, отъ продолжительнаго ихъ неупотребленія людьми, завладѣваются діу-пәріемъ, и самъ онъ, въ свою очередь, по повѣрью здѣшнихъ Татаръ, есть превращеніе изъ денегъ. Гдѣ лежитъ кладъ, тамъ это баснословное существо многообразно является и кричитъ на разные лады: «Возьми меня, возьми меня!» Но взять кладъ, безъ обряда нельзя; обрядъ же здѣсь употребляется

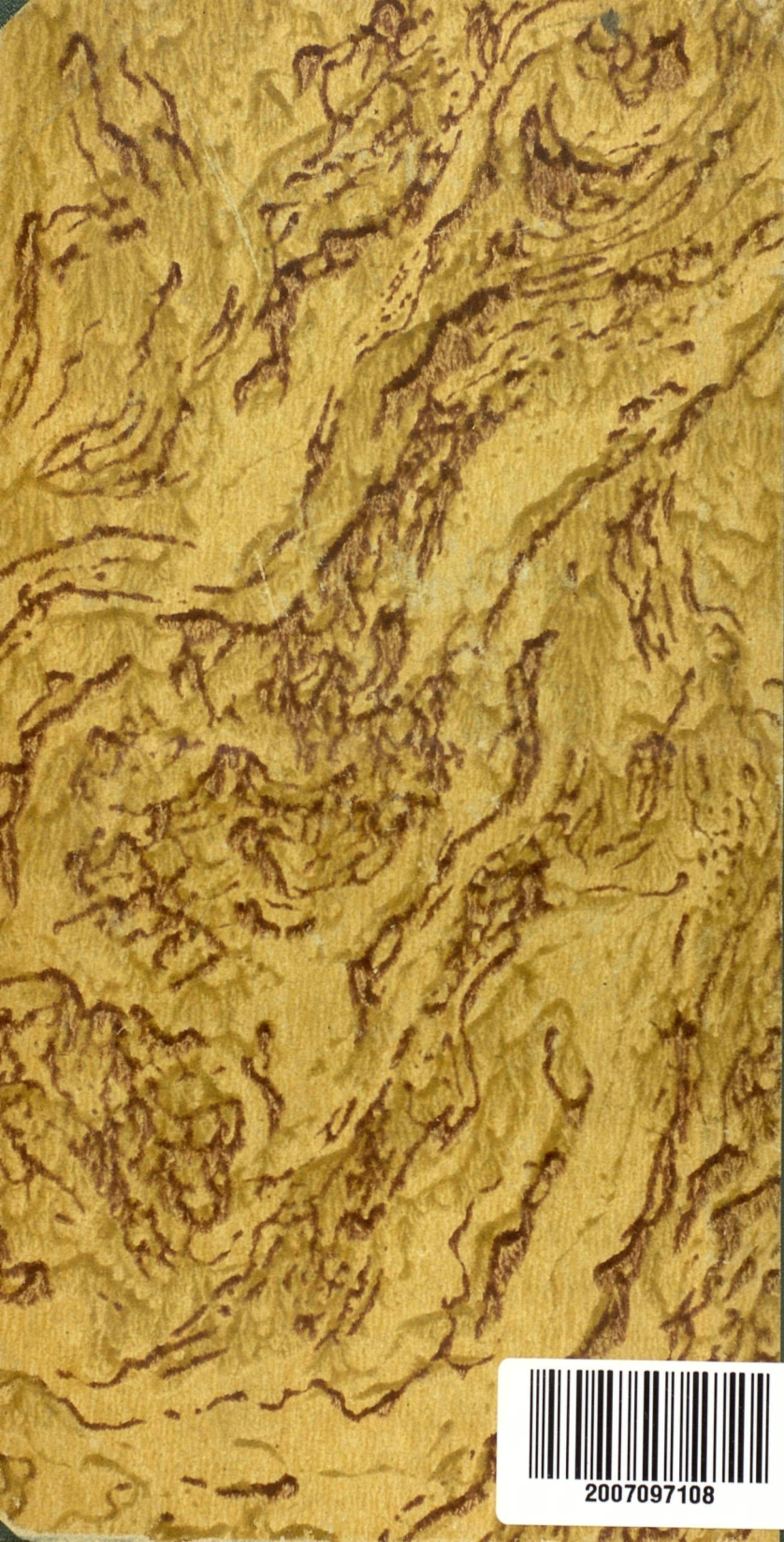
слѣдующій: ночью, гдѣ Татарину было видѣнье, насыпаетъ онъ золы; а утромъ идетъ смотрѣть, какой на золѣ видѣнь слѣдъ: кошки, собаки или человѣка — такое животное и нужно на мѣстѣ вклада, по повѣрью, зарѣзать и потомъ уже будто бы можно получить самый кладъ. Нѣтъ ли здѣсь намека на то, что древніе Татары приносили древнимъ своимъ богамъ огню, водѣ, мертвецамъ, водянымъ, пенатамъ, чертямъ — въ жертву кошекъ, собакъ, людей? ¹⁾). Кладъ иногда, по повѣрью Татаръ, бѣгаетъ въ образѣ кошки, и тогда, чтобъ его получить, Татарину будто бы довольно только произнести бисмиллю, толкнуть кошку ногой, и — получай денежки! — Въ лѣтнее время, когда бываетъ засуха, Татары, отчаявшись въ надеждѣ на дождь, отправляются къ рѣкѣ или озеру, варятъ здѣсь кашу (джангырь-буткасы — «дождевую кашу»): у кого берутъ крупу, у кого масло, у кого соль, у кого молоко. Сваривъ здѣсь кашу и съѣвъ ее, въ рубахахъ, но не въ верхней одеждѣ, бросаются въ воду: и вѣрятъ бѣдняки, что послѣ этого пойдетъ дождь.

12. Если Татаренокъ упадетъ на землю, то на мѣсто паденія его приходитъ кто-нибудь, или онъ самъ возвращается, вколачиваетъ гвоздь тутъ въ землю и выливаетъ чашку воды, чтобы не сдѣлалось съ ребенкомъ какого-нибудь вреда. Другіе, впрочемъ, удовлетворяются совѣтомъ ребенку плюнуть на это мѣсто.

Кайюмъ-Насыровъ.

---

¹⁾ И кажется, можно по догадкѣ и выводу изъ сказаннаго выше во 2-мъ, 4-мъ и 11-мъ пунктахъ, прибавить еще: утокъ, бѣлыхъ гусей (домашнихъ птицъ), яблоки, яйца, кашу (свою пищу обиденную) и лошадей (домашній скотъ).

2007097108